

УРАЛ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX ВЕКА

С. А. Нефедов

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ИГА НА РУСИ

В 1832 году Российская императорская Академия предложила премию в 200 червонцев за сочинение, трактующее о влиянии монгольского господства на историю России. Премия так и осталась вакантной в виду того, что в те времена востоковедение еще не достигло уровня, позволяющего судить о столь сложном предмете. После 1917 года тема была закрыта для обсуждения, и лишь в наше время эта проблема снова стала предметом дискуссии. Крушение марксистской историографии посеяло столь сильную смуту в душах, что писатель Борис Васильев осмелился задать недоуменный вопрос: «А было ли иго?» В 1997 году специалисты-историки попытались ответить на этот вопрос, собравшись за «круглым столом» в журнале «Родина», – однако так и не пришли к единому мнению. Это небольшое эссе является еще одной попыткой ответить на этот вопрос – на этот раз в более широком плане: «Что это было? Каким было государство, построенное завоевателями?» В настоящее время, благодаря успехам востоковедения, мы знаем о монголах и о Востоке гораздо больше, чем в 1832 году. Это позволяет сравнивать и сопоставлять факты.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, – чем была Русь до монголов? Что, собственно, разрушили монголы – каков был тот, «домонгольский» мир?

Конечно, эта тема может завести нас далеко, но необходимо избавиться от иллюзий: Киевская Русь не была той счастливой страной, о которой рассказывают былины. Предания, повествующие о пиррах князя Владимира, умалчивают о многом – прежде всего, о том, кто сидел за пиршественным столом. За столом сидели варяги, некогда завоевавшие эту страну и давшие ей свое имя, «Русь», – а прислуживали им покоренные славяне, «холопы» и «смерды». Варяги основали города-крепости, которые господствовали над страной славян и из которых князь-конунги выходили на сбор дани. И было бы хорошо, если бы они просто собирали дань – но им было мало дани, они брали полоны, обращали славян в рабов и продавали их в Константинополе и Булгаре. «Постоянно эти люди, – пишет о русах арабский хронист Гардизи, – ходят войной на славян... захватывают славян, превращают в рабов, отвозят к хазарам и булгарам и там продают. У них нет посевов и земледелия, посев их – грабеж славян...» В конечном счете, варяги ославянились и превратились в русских князей и бояр; они подчинили всю страну славян, но им нужно было брать полоны – поэтому они постоянно воевали между собой. Во время войны с Новгородом, в 1169 году, суздальцы «села вся взяша и пожгоша и люди по селам исекоша, а жены и дети, именья и скот поймаша». В те времена брали в плен и продавали на рынке в Константинополе в основном женщин – а мужчин «исекоша». Под 1149 годом летопись говорит о взятии князем

Изяславом Мстиславовичем 7 тысяч пленных, а в 1160 году Изяслав Давыдович, воюя в Смоленской области взял 10 тысяч пленных. В 1169 году Юрий Долгорукий «взял на шит» Киев – и все уцелевшие горожане превратились в рабов-«холопов». В своих постоянных войнах князья наводили на Русь кочевников-половцев, и не было года, когда б не «сильно маялась земля Русская».

Конечно, эта страна должна была стать добычей первого сильного завоевателя – немцев, наступавших с Запада или половцев, наступавших с Востока. Она ждала новых завоевателей – и удивительно только то, что завоеватели пришли издалека, с другого конца Евразии. Здесь возникает новый вопрос: благодаря чему, каким образом монголы завоевали полмира? Ведь они покорили не только русские княжества – они покорили Империю Цзинь, обладавшую армией из 275 тысяч всадников, закованных в латы. Ответ на этот вопрос хорошо известен специалистам – но почему-то остается секретом для широкой публики. Нет сомнений в том, что главный фактор, решающий исход любой войны – это оружие. История войн свидетельствует о том, что мужество и смелость постоянно вынуждены отступать перед всепобеждающим *новым оружием*. Новым оружием, даровавшим победу монголам, был сверхмощный лук, «саадак», стрела из этого лука за 300 шагов пробивала любой доспех. Это была сложная машина убийства, склеенная из трех слоев дерева, вареных жил и кости, и для защиты от сырости обмотанная сухожилиями; склеивание производилось под прессом, а просушка продолжалась несколько лет – секрет изготовления этих луков хранился в тайне. Для натяжения монгольского лука требовалось усилие не менее 75 килограммов – вдвое больше, чем у современных спортивных луков и примерно такое же, как у английских луков – тех, что погубили французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье. Саадак не уступал по мощи мушкету и все дело было в умении на скаку попасть в цель – ведь луки не имели прицела и стрельба из них требовала многолетней выучки. Обладая таким всеокрушающим оружием, монголы не любили сражаться врукопашную. «Вообще они не охотники до ручных схваток, – отмечает С. М. Соловьев, – но стараются сперва перебить и переранить как можно больше людей и лошадей стрелами, и потом уже схватываются с ослабленным таким образом неприятелем». Классическим примером такой тактики явилась битва с венграми на реке Сайо, когда венгерская рыцарская армия так и не смогла навязать монголам ближнего боя – она была расстреляна из луков во время шестидневного отступления к Пешту.

Малочисленные дружины враждующих между собой князей не могли противостоять нашествию – Русь была завоевана монголами, которые прошли по стране подобно смерчу. За погромом 1238-1240 годов последовали новые нашествия в 1252, 1281, 1293 годах – не считая менее масштабных набегов. Разрушения были огромны; большинство городов обратилось в развалины, исчезли многие ремесла, почти сто лет на северо-восточной Руси не строили каменных зданий. Было уничтожено примерно три четверти замков, крепостей, волостных центров; на юге обезлюдели целые земли, Киевская, Переяславская, Черниговская; некоторые области оставались пустынными не одну сотню лет. «Села от того нечестиваго батыява пленения запустели и нане лесом заросша», – свидетельствует «Житие Михаила Черниговского». «Кровь отец и братья наша, аки воды многа землю напои...» писал епископ Серапион. – Множащася же братья и чады наша в плен выведены быша, села наши лядиноу поросша». Но Серапион понимал не-

избежность того, что произошло. Это наказание Божие за грехи наши, говорил Серапион, за то что воюем меж собой, за то *«брatию свою ограбляем, убиваем, в погань продаем»*.

Когда сопротивление было окончательно подавлено, завоеватели принялись перестраивать социальную систему Руси и вводить новые, неслыханные прежде порядки. Собственно говоря, *эти новые порядки не были монгольскими*; монголы не имели письменности и не могли управлять обширными завоеванными странами – поэтому после завоевания Северного Китая преемник Чингисхана, Великий Хан Угэдей, вручил дела управления китайскому министру Елюй Чуцаю. Елюй Чуцай ввел на всей территории Империи *китайскую* административную систему и назначил в провинции налоговых уполномоченных «даругачи» («да-лу-хуа-чи»). В то время как наместник провинции командовал войсками и поддерживал порядок, даругачи проводил перепись населения, осуществлял раскладку и сбор налогов, набирал рекрутов в войска, а также отвечал за почтовую («ямскую») службу. Некоторые провинции отдавались в «улус» полководцам, но и в этом случае налоги собирали государственные чиновники; разница состояла в том, что часть собранных даругачи налогов передавалась владельцу улуса. В каждой области была канцелярия, где хранились списки налогоплательщиков и данные о причитающихся с них налогах. Основных налогов было три – поземельный, подушный и подворный, причем размер подворного налога зависел от имущественной состоятельности плательщика; кроме того существовал рыночный сбор в 3% стоимости товара. По старинной китайской традиции население деревень и городов было объединено в «десятидворки» и «стодворки», связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке рекрутов. Введенные Чуцаем налоги были необременительны для народа и считались легкими. В целом, реформа Чуцай подразумевала восстановление китайской административной и налоговой системы и распространение ее на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* – продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока – хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку».

Система монгольского управления на Руси, в общем, была такой же, как и в других областях Империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Князья ездили на поклон к хану и получали ярлык – грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время снят и передан другому князю. В 1257 году Великий хан Монкэ назначил верховным даругачи Руси сына своего зятя по имени Китат (т. е. «китаец») с задачей провести перепись и организовать сбор налогов – вполне естественно, что китайскую налоговую систему на Руси устанавливали специалисты, присланные из Китая. После проведения переписи, «численники» разделили податное население на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тьмы» (десятки тысяч) – то есть ввели китайскую систему объединенных круговой порукой «десятидворок» и «стодворок». «Приехаше численници, исцетоша

вью землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятиники и сотники и тысячники и темники», – говорится в летописи. Таким образом, *завоеватели создали на Руси административную систему китайского образца*. Попросту говоря, они создали будущее *Российское государство* – ведь в Киевской Руси не существовало настоящей государственной организации, были только князья, собиравшие дань по своему произволу.

Что представляла собой эта новая административная система? Татарские ярлыки, говоря об ордынской администрации, упоминают деревенских, городских и волостных даругачи. Даругачи (в русском произношении «дорога») в летописях чаще называют баскаками; «баскак» – это тюркский перевод китайско-монгольского термина «даругачи»; оба слова происходят от корня «давить» – в смысле «прикладывать печать». Термин «дорога» использовался сравнительно редко; по смысловому соответствию «дорога»-«путь» чиновники-«дороги» позднее превратились в «путников» и «путных бояр»; канцелярии (позднейшие «приказы») также называли «путями». Баскаки и дороги имели свой штат «данышников», «биткачи» и «таможников» (сборщиков рыночной пошлины, «тамги»). В каждой волости была своя канцелярия, «столец», где хранились налоговые списки. В терминологии и обычаях созданных баскаками канцелярий сохранились следы китайского влияния, например, «биткачи» («бакшии») – это тюркское «битикчи», «писец», которое происходит от китайского «би-чже», «секретарь». Слова «книга» и «бумага» имеют китайское происхождение, так же как употребление свитков и обычай подачи прошений – русское «челобитье» является переводом китайского «коу тоу». Русские счета тоже заимствованы из Китая – это приспособление называется в Китае «суан-пан». Впрочем, в формировании русской административной системы принимали участие и мусульманские чиновники, арабы и персы, составлявшие костяк ордынской бюрократии. Мусульманские чиновники принесли с собой порядки Халифата, восходящие к древним бюрократическим традициям Персии. Термины «деньги», «печать», «папирус», «папка» (для бумаг), «киличей» (посол), «лафа» (жалованье) имеют арабское или персидское происхождение. Так же как в Персии, основным правительственным учреждением на Руси была Казна («хазине»); в Казне хранились объединенные налоговые росписи, которые и в России, и в Персии называли «дефтери». Характерно, что одним из первых упомянутых в русских летописях казначеев был знавший арабскую грамоту татарин Остафий Аракчеев; среди дьяков того времени было много крещеных татар. Часть дани, платимую хану, на Руси называли «выход», по-арабски, «харадж»; как известно, «харадж» был основным налогом времен Халифата.

Основным налогом на Руси была «дань» – в те времена это слово не имело того негативного смысла, как теперь. Дань собирали с «сохи», окладной единицы, соответствовавшей большой семье – в «соху» входили «два мужа работника» и две-три лошади. Налог исчисляли пропорционально имущественному достатку – а не просто «с дыма», как, к примеру, в Литве. С ремесленников и торговцев тоже брали дань, к примеру, кузница и лавка шли за одну «соху», а ладья – за две «сохи». «Соха» одновременно являлась и мерой площади – это был участок, который можно было обработать одной упряжкой. Характерно, что сначала окладной единицей была не «соха», а «плуг»; «плуг» – это персидский «джуфт» или арабский «фаддан», мера площади, хорошо известная на Востоке. Таким обра-

зом, дань представляла собой объединенный поземельно-поимущественный налог, совмещавший китайские и персидские традиции налогообложения. Помимо дани, существовала «тамга», такой же, как в Китае, рыночный сбор в 3% с цены товара. Среди повинностей летописи упоминают «ям» и «подводу» – обязанность поставлять ямщиков и лошадей для организованных монголами почтовых станций. Нужно сказать, что система ямских станций вызывала восхищение европейских путешественников вплоть до XVIII века – в «цивилизованной» Европе не было ничего подобного. Кроме того, монголы ввели всеобщую воинскую повинность – как известно, такая повинность во Франции была введена только во времена Великой революции. Излишне говорить о том, что почтовая и воинская повинности, так же как «тамга» и «дань», копировали китайские образцы. Итак, *завоеватели заложили китайско-персидскую основу будущего Российского государства.*

1273–275 годах была проведено второе «перечисление», которое оказалось последним; после этого переписи больше не проводились. К этому времени огромная империя монголов распалась, и Русь стала частью нового государства, Золотой Орды. В отличие от распавшейся империи, Золотая Орда не имела китайской бюрократии и сильных монархических традиций; уже в 1280-х годах в Орде начались смуты, и новое ханство разделилось надвое. И как только Орда на время забыла о Руси, на Руси все вернулось «на круги своя»: как в прежние времена «киевской старины», князья принялись воевать друг с другом и приводить полоны. Нашествие не пошло русским князьям впрок: «Вы все еще не переменились!» – говорил епископ Серапион. Усобица закончилась новым татарским погромом – это было кровавое «повторение пройденного»: в 1293 году хан Тохта послал на Русь рать, которая сожгла 14 городов и посадила на великокняжеский престол ханского ставленника Андрея Городецкого. Нашествие 1293 года сыграло роль «батога божьего, вразумляющего грешников», – после этого князья покорились и на проходивших под председательством ханского посла съездах смиренно «читали грамоты царицы, ярлыки». С этого времени начинается соперничество князей за приобретение ханской милости. Ростовские князья долго жили в Орде, женились там, и, по выражению А. Н. Насонова, «в значительной мере отатарились». Сыновья князей многие годы пребывали в ханской ставке в качестве заложников; они постепенно привыкали к татарским обычаям. В этот период в русских летописях начинает проявляться лояльное отношение к татарам, летописцы с удовлетворением говорят о почестях, которые оказывали князьям в Орде. Прежняя враждебность к завоевателям смягчается и уступает место тенденции к примирению.

В конечном счете, русские князья, признали себя «улусниками» и «служебниками» ордынских ханов. Известны случаи, когда князья выступали вместе с татарами против собственного народа. В 1289 году в Ростове народ, собравшись на вече, пытался изгнать князя вместе с татарами. Около этого времени жители Ярославля отказались принять своего князя Федора Ростиславовича – в ответ Федор призвал татар и взял город штурмом. Символом городской свободы было вече; восстания против завоевателей и князей начинались с набата вечевого колокола – но восстания были подавлены, и вече пришел конец. Монгольское нашествие означало конец древней традиции городского самоуправления – это был переломный момент русской истории. Города Киевской Руси происходили от кре-

постей, которые когда-то построили завоеватели-варяги; жители городов были, в значительной части, потомками варягов, они не платили налогов и господствовали над населенной «смердами» деревней. Новое завоевание стерло прежние социальные различия; теперь все стали равны.

- Тенденция к примирению в значительной мере определялась той позицией, которую занимала в этом вопросе православная церковь. Монголы проявляли уважение к священнослужителям и даровали церкви огромные привилегии – освобождение от дани, всех податей и повинностей. Эта политика сблизила церковь с завоевателями и вызвала невиданный расцвет монастырского строительства; в XIV столетии было построено больше двухсот монастырей – именно в это время родилась «Святая Русь», страна монастырей и церквей, удивлявшая иностранцев видневшимися повсюду куполами. Обстановка борьбы с католицизмом также побуждала русскую церковь к сотрудничеству с монголами – немецкое и литовское наступление на западе грозило православиям большой опасностью. Золотая Орда считала русских князей своими улусниками и оказывала поддержку Руси в ее борьбе с Литвой и Орденом. Эта борьба была вместе с тем борьбой православия с католицизмом. В 1324 году хан Узбек организовал поход русских князей против Литвы; в 1340 году Узбек помог русским князьям в их борьбе против польского короля Казимира – и Казимир был вынужден признать свободу православного богослужения. Сообщая о смерти сына Узбека, Джанибека, летопись говорит, что тот был «добр зело к христианству, многу лготу сотвори земле Русской».

Необходимо особо остановиться на размере татарской дани – поскольку этот вопрос является ключевым в оценке тягот «татарского ига». Поначалу дань называли десятиной, и, возможно, она составляла десятую часть доходов. Однако в дальнейшем, когда татары перестали проводить переписи, дань превратилась в фиксированный налог с «сохи». Сохранилось известие о том, что в 1275 году дань собирали по полугривне серебра с «сохи»; в 1384 году брали полрубля с деревни; в 1408 году – полтину с «сохи». Рубль и гривна, «соха» и деревня – это одно и то же, таким образом, до середины XV века размер дани оставался постоянным и составлял полтину с «сохи». Много это или мало? В конце XV века на хозяйство приходилось в среднем 5 десятин в одном поле и средний урожай составлял сам-4; посев составлял 1 коробью на десятину, так что общий сбор озимых и яровых можно оценить в 40 коробей ржи. За вычетом посевного зерна на двор остается 30 коробей; «соха» состояла из трех дворов, и общий доход «сохи» равнялся примерно 90 коробей. Дань составляла полтину, а на полтину в Пскове в 1409 году (когда хлеб был дешев) можно было купить 6 зобниц, то есть 8 коробей ржи. Таким образом, в натуральном исчислении дань составляла порядка десятой части крестьянского дохода – это соответствует ее другому названию «десятина». Получается, что дань действительно была «десятиной». Однако... В. Л. Янин и С. М. Каштанов доказывают, что дань собиралась не каждый год, а один раз в 7–8 лет. Таким образом, выходит, что в действительности дань составляла примерно 1,5% крестьянского дохода. То обстоятельство, что завоеватели наложили столь необременительную дань, может вызвать удивление – но следует вспомнить, что монголы принесли на Руси китайскую систему налогов, а в Китае поземельный налог с частных земель составлял около 2% урожая. Что же касается сообщений летописи о «дани великой», то это впечатление, очевидно, связано с не-

регулярностью сбора – дань, скопившаяся за много лет, иной раз была серьезной «тягостью».

Таким образом, дань отнимала лишь небольшую часть дохода крестьянского хозяйства. Представляет интерес вопрос о том, куда же шли собранные с крестьян деньги – в Орду или в Москву? Княжеские даньщики вели учет населения и составляли налоговые росписи; по-видимому, на основании этих данных летописи сообщают, что в 1360 году великое княжение насчитывало 15 «тем». «Тьма» – это счетная единица, установленная в свое время монгольскими численниками и условно содержащая 10 тысяч дворов. Поскольку большесемейный двор соответствовал «сохе», то доход московских князей от дани теоретически должен был составлять примерно 75 тысяч рублей. Между тем, при Дмитрии Донском «выход» Великого княжества Владимирского составлял лишь 5 тысяч рублей. Таким образом, *в Орду шла лишь малая часть собираемой дани, львиная доля ее оставалась в Москве.* Это несоответствие между данью и «выходом», конечно, не было секретом для ханов – и его можно объяснить с точки зрения порядков Орды. Дело в том, что в начале XIV века на Ближнем Востоке (и в Золотой Орде) получила распространения система икта, в соответствии с которой эмиры сами собирали налоги в своих владениях, передавая в казну лишь небольшую их часть. Очевидно, ханы рассматривали улусы русских князей как икта, и этим объясняется как незначительная величина «выхода», так и произошедший в то время отзыв баскаков.

После ухода баскаков созданная ими административная и налоговая система досталась в наследство русским князьям. За сбор и доставку ордынского «выхода» теперь отвечал Великий князь владимирский; это придавало титулу великого князя новое значение. В 1304 году тверской князь Михаил и московский князь Юрий устроили торг в Орде, обещая платить один больше другого, – и хан отдал Михаилу престол вместе с правом на сбор дани. Но Юрий московский не захотел отступить, он снова приехал в Орду, несколько лет жил в ставке хана Узбека и сумел склонить его на свою сторону. В 1317 году Юрий получил ярлык на великое княжение и в жены – сестру хана Кончаку. Московские князья демонстрировали покорность ханам – в то время как Тверь пыталась сопротивляться; в 1327 году здесь вспыхнуло новое восстание. В итоге Тверь была разгромлена татарами, а Москва закрепила за собой Великое княжение владимирское. *Москва первой взяла курс на сотрудничество с завоевателями – и этот курс оказался оправданным.* Право на сбор дани служило действенным оружием для подчинения других князей, и брат Юрия, Иван Калита сумел объединить вокруг Москвы значительную часть северо-восточной Руси. Иван Калита жил попеременно то в Москве, то в Орде, исправно платил «выход» и поддерживал хорошие отношения с Узбеком. Характерно татарское прозвище этого князя – Калита, то есть мешок с деньгами; надо думать, у Ивана Даниловича было достаточно денег, чтобы ладить с ордынскими вельможами. Симеоновская летопись сообщает, что в правление Калиты наступила «тишина велика по всей земле», прекратились распри князей и татарские карательные походы. В конечном счете, Русь адаптировалась к существованию в составе Золотой Орды.

Время «великой тишины» было временем, благоприятным для русского крестьянина: земли было много, рабочая сила ценилась дорого, землевладельцы переманивали крестьян, предлагая им большие льготы. Крестьяне платили лишь

небольшую дань, и даже если предположить, что дань собирали чаще, чем считают специалисты, – все равно, она была невелика по сравнению с последующей эпохой, ведь после царствования Ивана Грозного налоги и повинности отнимали около трети дохода земледельца. Во времена Киевской Руси постоянные междоусобицы были главным бедствием, от которого страдали сельские жители – вторгшиеся из соседнего княжества дружины охотились за «полоном»; пленников массами обращали в рабов. Теперь сельское население могло жить спокойно, не опасаясь за свою жизнь. Свободные поселяне пользовались определенными правами, их уже не называли «смердами», как в прежние времена, – теперь они были «христиане», «крестьяне». В волости существовало свое общинное самоуправление; представители крестьянской общины, «волостные мужи» и «люди добрые», участвовали в суде вместе с княжеским волостелем. Изобилие земли и зерна, низкие налоги, мир и покой, общинное самоуправление – такова была жизнь крестьян в XIV веке. Может быть, это было лучшее для крестьян время за всю историю России – «золотой век» русского крестьянства.

Время «великой тишины» было временем рождения нового Российского государства, нового общества и новой культуры. Это был процесс социального синтеза, в этом синтезе участвовали различные компоненты: традиции местного населения, кочевые традиции татар и принесенные завоевателями на Русь порядки великих восточных монархий – Китая и Персии. Влияние кочевых традиций наиболее ярко проявилось в военной сфере: уже вскоре после нашествия русские князья стали вооружать свои дружины по татарскому образцу. Русские воины сели на быстрых степных коней и научились стрелять из монгольского лука, «саадака»; они носили татарские стеганные доспехи, «тигилия» и рубились кривыми татарскими саблями. Русские войска заимствовали татарское деление на пять полков и татарскую тактику засад и окружений. По-видимому, именно у татар русские военачальники-богатыри переняли «местничество» – обычай «рядиться» из-за служебных назначений. Идя в атаку под пение зурны, русские вместе с татарами кричали «ура!» – «бей!»; они называли друг друга на татарский манер «богатырями», «казаками», «уланами»; в русский язык незаметно вошло множество тюркских слов: атаман, караул, колчан, есаул, бунчук, облава, булат, нагайка... Пушкин в свое время писал, что «чуждый язык распространяется не саблем и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам племя варваров, не имевшее ни словесности, ни торговли, ни законодательства? ... Едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык...» Великий поэт оказался неправ, в русский язык перешло не 50, а по меньшей мере 250 тюркских слов – в этом может убедиться любой, достаточно открыть этимологический словарь Фасмера. Заимствования коснулись не только военной сферы, многие заимствованные тюркские слова относятся к сфере торговли, ремесел и быта: базар, магазин, товар, таможня, алтын, безмен, амбар, аршин, кирпич, фитиль, телега, ковер, тюфяк, диван, утюг, карандаш, колбаса – и можно привести много других примеров. Восточные заимствования настолько вошли в нашу жизнь, что иной раз мы их и не замечаем: например, слово «дешевый» – это арабское «ди швейя» – «это немного». Были позаимствованы многие названия тканей, заимствовались и одежда, восточные «кафтаны», «халаты», «дохи», «шубы», «тулупы», «сарafаны», «армяки», «башлыки» – Сигизмунд Герберштейн отмечал, что русская одежда очень похожа на татар-

скую, только застегивается с другой стороны. Русские князья и бояре подолгу жили в Орде, постепенно они стали подражать ханам и бекам: они носили парчовые халаты, атласные шаровары, сафьяновые сапоги, украшали своих лошадей парчовыми седлами и охотились с прирученными соколами. Так же как мусульмане, они не позволяли своим женам выходить к гостям и запирали их в терем; они запрещали своим подданным пить вино – за исключением свадеб и больших праздников.

Займствования с Востока сказались и на развитии русских ремесел. В период «татарского ига» на Руси появляется искусство литья колоколов – и не случайно, что русское слово «чугун» пришло из Китая через тюркский язык: чугунное литье появилось в Китае намного раньше, чем в Европе. Вместе с колоколами на Руси появились колокольни-«каланчи», так похожие на минареты, и купола-луковки, так похожие на купола Тадж Махала. К числу китайских займствований относятся и медные монеты с принудительным курсом – они пришли на Русь через посредство Золотой Орды. Булатная сталь и огнестрельное оружие так же были позаимствованы с Востока – первые ружья на Руси назывались «гюфяк» и «мултух». Первые сведения о мельницах на Руси относятся к 1260-м годам и мы находим их не в летописях, а в ярлыке хана Менгу-Темира. Первые геометрические знания пришли на Русь вместе с «Метафизикой» ал-Газали; первая русская географическая карта была также исполнена в арабских традициях – север не ней был внизу, а юг – вверху. Из литературных займствований можно отметить «Повесть о снах царя Шахаиши» и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» – оба этих произведения обнаруживают несомненную связь с персидской литературой. Восточная культура оказала огромное влияние на становление русского общества – и в этом нет ничего удивительного, это была культура великих и древних цивилизаций.

Таким образом, после завоевания Руси монголами началось становление *нового общества и нового государства*. Нашествие разорвало связь с прошлым, с эпохой былинной Киевской Руси – эпохой работорговли и варварского господства варягов. Новое государство восприняло традиции великих цивилизаций Востока – нужно помнить, что в те времена цивилизация ассоциировалась с Востоком, а слово «Запад» было синонимом варварства. В конечном счете, Россия стала восточным государством с мощной царской властью и разветвленной административной системой. Именно этой власти и этой организации Россия обязана своим великодержавием, тем, что ее владения распространились на половину Евразии.

Рожденная в лоне великой восточной цивилизации Московская Русь испытывала сложные чувства по отношению к Востоку. С одной стороны, было кровавое монгольское завоевание – с другой стороны, было время «великой тишины», когда Русь имела «много льготу» от татарских царей. Как считают многие специалисты, на Куликовом поле Русь сражалась не против этих царей, а против узурпатора Мамай – это был эпизод междоусобной войны внутри Золотой Орды. Характерно, что после этого Русь еще столетие мирилась с «игмом» – хотя все завоеванные монголами страны уже освободились от него. Московские князья до последней возможности держались за тающий авторитет ханов – потому что только ханы могли поддерживать на Руси порядок. В 1432 году московский князь Василий II и его соперник Юрий Звенигородский сами приехали в Орду и попро-

силы хана рассудить их – но хан был бессилён помочь: Орда уже окончательно распалась. И как только не стало поддерживавших порядок ордынских царей, так на Русь вернулся XII век – началась кровавая внутренняя война, продолжавшаяся двадцать лет. Как в XII веке, воюющие князья снова брали огромные «полюны» и продавали крестьян в рабство «поганым». Лишь в 1451 году Василий II с помощью созданного при татарах государственного аппарата сумел разгромить князей-соперников; после этого он занял место хана – или точнее, эмира: он продолжал платить дань сразу трем ханствам, на которые распалась Орда. Такое поведение может показаться странным, но в том был свой смысл: дань была почти символической и играла роль откупа от татарских набегов. Когда Иван III прекратил платить дань, «иго» пало само собой после небольшой войны, обошедшейся без сражений. И вот когда Русь стала независимой – тогда все переменялось: татары, прежде бывшие союзниками, превратились во врагов. Задним числом переделываются летописи, вставляются известия о батыевом взятии Киева и фантастическое сообщение об «убиении» Бытлая «православным королем» Владиславом. Великокняжеский венец, подаренный некогда Калите ханом Узбеком переименовывается в шапку Мономаха – и это выглядит вполне символически: Россия отрывается от татарских основ и пытается заменить их византийскими. Напрасно: Европа не признает Россию своей, европейские послы с редким единодушием будут утверждать, что Россия – это восточное государство. В конце концов, с этим согласится и один из величайших русских историков: «Россия обязана своим величием ханам», – напишет Карамзин. Однако к этим словам нужно сделать существенное уточнение: Россия обязана ханам, но ханы были только посредниками. *В действительности Россия обязана своим величием китайскому мистру Елюй Чуцаю.*

Б. Ф. Ицкович

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. ПРИКАЗНАЯ СИСТЕМА

В конце XV в. в процессе расширения Московского государства усложняются и функции государственного управления, и на смену единичным помощникам и исполнителям великокняжеских указов и распоряжений приходит, а точнее, создается система государственных приказов. Приказ – орган центрального управления Московского государства, ведающий особым родом государственных дел или отдельными областями государства.

И если в судебнике 1497 г., в статье 2, говорится, что в случае негодного, на взгляд жалобника, решения его вопроса, он может обратиться либо к великому князю, либо к людям, которые у князя ведают вопросом жалобника (здесь речь идет о работе порученцев князя, исполнителей его приказов), то уже в жалованной грамоте великого князя Василия Ивановича 1512 г. говорится о приказах-учреждениях.

Судебник 1550 г. предписывал составлять «разметные книги», в которых указывалось «сколько кто царевы и великого князя подати дает». Книги должны